

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ВОСПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ¹

А.М. Кузнецов

Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: В статье констатируется, что вопросы стабильности и развития общественно-политических систем еще не получили достаточного освещения в литературе. Одной из причин сложившегося положения явился постмодернистский вызов, под влиянием которого сами концепты политическая, общественно-политическая система, фактически, были дискредитированы. Однако в сфере естественных наук системная парадигма продолжала успешно развиваться. Неудачный опыт использования естественнонаучных разработок для решения социально-гуманитарных проблем и попыток создания теорий социально-политических систем на основе идей социологии и политических наук может быть преодолен за счет использования концепций общенаучного характера. Дальнейшая их имплементация в общественно-политическую сферу должна производиться с учетом антропологического ее измерения, принятия роли среды и возвращения к корректному пониманию структуры систем. С учетом этих рекомендаций концепты сложности, аутопойесиса, операциональной замкнутости и наблюдения могут быть использованы для решения на новом уровне проблемы устойчивости и воспроизводства социально-политических систем.

Ключевые слова: социально-политическая система, системная парадигма, самовоспроизводство, наблюдение.

1. К постановке проблемы. Более чем четырехкратное увеличение числа государств (общественно-политических систем) в мире со времени окончания второй мировой войны постепенно продемонстрировало негативные последствия такого роста. Распад Советского Союза, появление определения «несостоявшегося государства», события «арабской весны» и украинский кризис снова актуализировали проблему устойчивости общественно-политических систем в современном мире. Ранее она уже была предметом обсуждения в другой редакции в связи с победой Великой русской революции 1917 г. и перспектив ее перерастания в мировую революцию, с одной стороны, а с другой, — как поиск путей сохранения сложившегося порядка в странах Запада. Однако при обсуждении данной проблемы обращает внимание, что в повестку посвященных ей мероприятий и раньше и сейчас включаются самые

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-12-10001.

различные темы, но очень редко выносятся вопросы общетеоретического характера. В результате, к настоящему времени словосочетания «политическая, социально-политическая система», несмотря на частое употребление, боюсь, превратились просто в фигуру речи с крайне размытым содержанием. Анализ причин разочарования в концепциях социальной и политической систем как варианта «большой теории» позволяет сделать следующие выводы. Появившиеся на гребне «системной моды» 1950–1960-х гг. разработки Д. Истона, Г. Алмонда, Т. Парсонса как и некоторые поздние варианты, соответствовали уровню своего времени с его достижениями и остававшимися нерешенными проблемами. Не случайно «кибернетистский» вариант теории политической системы Истона с ее пресловутыми «входами» и «выходами» Алмонд должен был дополнить идеей «политической культуры». Парсонс в основу своей теории социальной системы также заложил преимущественно анализ социальных действий. Постмодернистский вызов конца 1960-х гг. вообще поставил под сомнение правомерность «больших нарративов» в социально-гуманитарной сфере. Не удивительно, как последующие авторы стали призывать к обсуждению только «частных систем» [LaPalamboga 1988]. Всплеск популярности направления «новый институционализм» в социальных науках этого времени также достаточно показателен как один из признаков кризиса системных представлений. Другие деятели пошли еще дальше и свели процедуру анализа той же политической системы «к выделению некоторых элементов, которые *кажутся* (здесь и далее курсив мой — А.К.) исследователю наиболее тесно взаимосвязанными и дальнейшему их рассмотрению («идентификации») в виде системы» [Chilkote 1981: 141].

Конечно, предлагались и вполне корректные определения, например: политическая система — это «...целостная и динамичная совокупность однотипных, дополняющих друг друга ролей, отношений и институтов власти, взаимодействующих на основе единых норм и ценностей, задаваемых интересами доминирующих в обществе социальных групп и позволяющих последним реализовывать свои цели и намерения» [Соловьев 2000: 236]. Забегая вперед, отмечу, что значимость данной дефиниции представляется в фиксации в ней аспектов структурного и антропологического характера. Однако вопросы развития и стабильности как составляющих процесса воспроизводства социально-политических систем оставались, практически, неисследованными в рамках значительной части обществоведческих и политологических концепций.

2. Современная системная парадигма. Поэтому я хочу обратить внимание на возможности для решения поставленной проблемы средств «обновленной» системной парадигмы. Дело в том, что в естественнонаучной сфере системные идеи успешно развивались и доказали свою высокую эвристичность, несмотря на постмодернистские «шатания» в социальных и гуманитарных науках [Системный подход в современной науке... 2004]. Конечно, несмотря на то, что сегодня много рассуждают о развитии междисциплинарности в науке, такой посыл сам по себе еще не снимает вопрос о правомерности заимствования идей и средств из разных областей знания. Однако современная системная парадигма реально выходит на общенаучный уровень, так что ее основные положения после соответствующей *верификации* могут быть использованы и для решения наших задач. Вопрос о необходимости верификации здесь поставлен не случайно. У нас есть немало примеров, когда физики, биологи и экономисты, в стремлении помочь «подотставшим» на этом поприще гуманитариям пытались напрямую использовать свои «рабочие» варианты системной теории для решения социально-политических проблем. Результаты подобных экскурсов, мягко сказать, оказались не слишком впечатляющими. Главная причина неудач таких начинаний может быть связана с игнорированием коллегами из других областей *антропологической составляющей систем*, создаваемых людьми. В свою очередь, имеющиеся опыты создания системных вариантов теории этноса (Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев), теории международных отношений (М. Каплан, Б. Бузан) и других «гуманитарных» построений подобного рода обнаруживают другой недостаток. Он выражается в том, что такие концепции создавались в основном на базе наработок в своих

дисциплинах с привлечением некоторых положений системной парадигмы. Редким исключением в нашей науке является теория этноса С.М. Широкогорова, которая еще в 1920–1930-х гг. была построена на вполне корректных системных основаниях [Широкогородов 1923; Кузнецов 2006].

Важным достижением современной системной парадигмы стало принятие принципа *сложности* [Хакен 1991]. Имплементация данного принципа (феномена) означает, что мы на практике очень часто имеем дело со сложноорганизованными явлениями, которые мы не можем непосредственно наблюдать и анализировать [Крон, Кюпперс, Паслак 1994]. Вполне очевидно, что за некоторыми исключениями, например, Андорра, социально-политические системы тоже представляют собой образования сложного и даже высокого уровня сложности. Значимым следствием принятия для систем подобного рода принципа сложности является понимание того обстоятельства, что системы могут включать в себя подсистемы и другие компоненты очень разные по своему характеру и иерархии взаимного расположения, те же партии и общественно-политические движения, группы интересов, социальные группы и отдельных индивидов. Отсюда и необходимость использования метода *итераций*, т. е. последовательных приближений для анализа системной организации.

По-новому теперь рассматриваются и вопросы устойчивости (сохранения) систем. Раньше они могли сводиться к возможностям системы противостоять воздействию среды (принцип устойчивости Ле Шателье) [Концепция самоорганизации в исторической перспективе 1994]. Обновленная системная парадигма в рамках теории самовоспроизводства (аутопойесиса) сместила акценты: «...любой живой организм стремится к единственной цели, которая заключается в *поддержании и воспроизводстве его внутренней организации путем аутопойесисных процессов*» [Матурана, Варела 2001: 34].

Помимо всего прочего введение категории аутопойесиса позволяет разрешить системный парадокс, связанный с проблемой определения систем и составляющих их подсистем. В самом деле, очень часто мы имеем дело с ситуациями такого рода. Государство является общественно-политической системой, в которой политическая сфера должна рассматриваться в качестве подсистемы. В свою очередь, эта подсистема, являясь достаточно сложным образованием, включает в себя различные компоненты, те же политические партии, которые также могут рассматриваться как подсистемы. В таком случае сама политическая сфера тоже может быть определена системой по отношению к своим составным компонентам. Однако, что мешает выделять в качестве систем массовые партии, состоящие из региональных организаций (подсистем)? В свою очередь, государства могут включаться в региональные объединения, становясь, вроде как, подсистемами. Как полагают специалисты по международным отношениям, вместе все государства и региональные образования образуют международную систему. Что же тогда является собственно системой? Вопрос этот снимается с введением критерия способности к *самовоспроизводству*. Другое дело, что в *исследовательских целях* мы можем представлять подсистемы реальных систем в качестве системных объектов, как это делают конструктивисты разного толка. Уровень же системности тогда будет зависеть от целей и задач нашего исследования. При этом мы все же не должны увлекаться и придавать этим артефактам свойства реальных систем.

Анализ работ, претендующих на системное рассмотрение интересующих нас проблем, позволяет установить еще один присущий им недостаток. Он связан с недооценкой значения внешней среды для функционирования социально-политических систем. Возможной причиной подобного игнорирования мог стать возникающий в этом случае парадокс, когда в качестве среды по отношению к нашей системе приходится признать, в том числе, и *другие системы* (государства). Такой тезис, по-видимому, выглядит слишком категоричным, в силу принятой в системной парадигме трактовки характера взаимоотношений системы и ее внешней среды. Во всяком случае, он не очень согласуется с подходами, принятыми в той же сравнительной политологии. Тем не менее, уже факт существования колониальной эпохи, а

затем и постколониального периода мировой истории подтверждают правомерность подобного положения дел в общественно-политических отношениях. Однако, значение среды не ограничивается только представленным случаем, так как оно имеет прямое отношение и к проблеме устойчивости систем, как это было зафиксировано принципом устойчивости Ле Шателье.

Примечательной особенностью современной системной парадигмы является также ее *когнитивная* («эпистемологическая») составляющая. Нейробиологи У. Матурана и Ф. Варела в рамках своей версии концепции аутопóйесиса даже стали использовать концепты «знание» и «сознание» применительно к биологическим системам [Матурана, Варела 2001]. Пойти на столь радикальный шаг этих авторов подвигла целесообразность достаточно сложного поведения живых существ [Maturana, Varela 1980]. В случае исследований социально-политической реальности целесообразно акцентировать еще внимание на обоснованное в физике значение операций наблюдения и свойств самого наблюдателя (В. Гейзенберг). Конечно, этой проблемой традиционно занимается философия в рамках гносеологии как «чистым» познанием. Не на словах она известна и историкам через процедуры источниковедческой критики. «Приземлить» процедуру нашего познания затем попытались постмодернисты, сведя ее активности отдельных индивидов. Значение же концепта «наблюдение» представляется, например, в том, что он предлагает учитывать, как *внешнее наблюдение* (собственно исследование), так и *внутренний* его вариант (составная часть «сознания» Ф. Варелы и У. Матураны), обеспечивающий функционирование самой системы.

Проблема здесь заключается в том, что в силу сложности общественно-политической реальности мы не можем непосредственно наблюдать все многообразие происходящих событий, отслеживать всю информацию о них и деятельность всех институтов. В результате мы имеем набор описаний («мнений»), сделанных некоторыми наблюдателями с разных позиций по отношению к изучаемому сложному явлению. Отсюда и ворох всех тех проблем, возвращающих нас под новым углом зрения к «человеческому фактору», а точнее к роли сознания в системном самовоспроизводстве, который расшевелили постмодернисты. Первая из них заключается в том, чтобы понять, как и каким образом были получены представленные данные, а также процедуры преобразования таких первичных наблюдений в конечные выводы. Вторая проблема состоит в том, что наблюдатели политической системы предъявляют свои результаты в рамках определенного дискурса. Как следствие такой процедуры мы имеем установленный постмодернистами *двойной отрыв дискурса от исследуемой реальности*: за счет использования языка для ее описания и ухода от целостности (сложности) изучаемых явлений [Лиотар 1998]. Не обременив себя разработкой новых концептуальных оснований, способных привести к снятию обозначенных проблем, социально-гуманитарные науки просто сдались на милость разным вариантам субъективизма («мнение», «идентичность») и конструктивизма (создание разных «артефактов» на основе фрагментарных данных). Системное же представление социально-политических проблем открывает нам возможность в соответствии с *принципом дополненности* понять, каким образом соотносятся между собой «мнения» различных наблюдателей, даже если они, на первый взгляд, совершенно несовместимы. Привлечение данных о самих наблюдателях и условиях их наблюдений позволяет точнее оценить качество предъявленных ими результатов.

В представленном контексте становится очевидным, что мы должны в нашем случае учитывать и различать значимость следующих видов наблюдений. Во-первых, реконструкцию взглядов и мотивов, которыми руководствуются лица, ответственные за принятие политических решений, осознанно или неосознанно следующих своим не всегда системным образам социально-политических систем. Во-вторых, рекомендаций, предлагаемых различными консультантами и экспертами, приближенными к «власть имущим». Затем, позиций специалистов из различных дисциплин, проводящих свои исследования. Наконец, измерений, так называемого, «общественного мнения» по различным вопросам. В соответствии же с требо-

ванием целостного анализа процесса системного воспроизводства все эти данные должны быть соотнесены не только между собой, но и с прошлыми состояниями системы, которые закреплены в других описаниях. Сделать это можно путем создания («конструирования») эвристичных системных моделей. В соответствии с базовыми положениями системной парадигмы такая модель должна основываться на обосновании системности изучаемого явления или объекта, включать характеристику среды системы, основных составляющих ее подсистем и других значимых компонентов, а главное — выявлению свойств ее структуры. Возможности системного моделирования помогают нам найти решение еще одной серьезной теоретической проблемы.

Как известно, та же политическая сфера традиционно рассматривается в качестве «поведенческой» по своей сути, говоря другими словами, она больше связана с современностью. Поэтому, как для политической науки, так и социологии, существует проблема соотнесения в своих исследованиях *настоящего и прошлых* состояний рассматриваемых явлений. Уже К. Маркс понимал: «Традиции всех мёртвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [Маркс 1986: 5]. Сложность достижения желаемой интеграции состоит в том, что в современности все существует в «живом» (наблюдаемом) виде, прошлое же нам остается только в «снятом» (реконструируемом) варианте. Существующая практика показывает, что в основном эту проблему пытаются решать паллиативными средствами (актуализация, экстраполяция и пр.). Использование же концепта «самовоспроизводство» системы (самосохранение) как раз позволяет рассматривать прошлое и настоящее в границах этого единого процесса, а в некоторых случаях даже понять траекторию его дальнейшего развития. Возможность объединения этих состояний системы также может нам обеспечить ее качественная модель. В таком случае, в известные определения системы как *целостного комплекса взаимосвязанных компонентов* в нашем случае следует еще добавить способного к *самовоспроизводству*. Вполне очевидно, что приведенная способность, как в случае биологических, так и социальных/политических систем, еще имплицитно содержит такое свойство, как обеспечение *жизнедеятельности* (функционирования). Способна ли «политическая система» обеспечить свое самовоспроизводство? Чаще всего ответ будет здесь утвердительным. Но способна ли «политическая система» самостоятельно создавать и поддерживать условия своей жизнедеятельности? Понятно, что такому требованию у нас отвечает страна (государство), да и то, как показывает современная практика, при активном взаимодействии с внешней средой. Следует еще учитывать, что непосредственно в процессах воспроизводства и развития общественно-политических систем участвуют люди в соответствии со своими взглядами, убеждениями, предпочтениями, заблуждениями и стереотипами («историческое» по К. Марксу»). Однако это обстоятельство не отменяет реальность собственных задач воспроизводства системы и своей логики их реализации («логическое» по К. Марксу).

Важный аспект теории аутопойесисных систем заключается также в идее *оперативной закрытости*. Смысл ее в общих чертах заключается в том, что открытые системы, к которым относятся и объекты данного исследования, взаимодействуя со средой и испытывая внутреннее преобразование, для того, чтобы обеспечивать свое воспроизводство, сохраняя присутствующую им «идентичность», должны обладать *фиксированными границами*, поддерживающими в определенный момент ее устойчивость. Не случайно, одно из недавних определений системы выглядит следующим образом: «В наиболее общем виде система может быть определена как комплекс взаимодействующих компонентов вместе с отношениями между ними, которые делают возможным распознавание поддерживающих свои границы целостных образований или процессов» [Laszlo, Krippner 1998: 47].

В случае с государством ситуация пока более или менее понятна, так как при всех противоречивых тенденциях последнего времени его границы остаются достаточно узнаваемыми. Проблема же заключается в том, что в рамках государств существуют еще общности и образования расового, религиозного, этнического и т. д. характера, которые могут образовать

вать свои подсистемы. В результате, наряду с «естественными» и политическими границами пришлось признать наличие различных *«символических» границ*. Осознание значимости и разнообразия границ привело даже к возникновению новой дисциплины — погранологии (border studies). К сожалению, последняя еще не видит своей связи с системной парадигмой [Introduction to Border Studies 2015]. Между тем, обсуждение проблемы символических границ имеет прямое отношение к вопросу об устойчивости систем, так как их специфика вынуждает искать дополнительные средства обеспечения системного аутопóйесиса. В системах, которыми занимаются естественные науки, такую роль в этом процессе часто выполняют *аттракторы*. В нашей сфере следует снова вернуться к обсуждению идеи *структуры*.

3. Проблемы структуры. К сожалению, философские амбиции К. Леви-Стросса сделали структурализм уязвимым для критики постмодернистов (постструктуралистов). Так что, и концепт «структура» в настоящее время уже не особо в чести. Классическое определение структуры понимает под ней набор наиболее устойчивых связей и отношений, обеспечивающих целостность и основные свойства системы [Автономова 1977]. Сегодня данный концепт подвергается самым произвольным толкованиям. Например: «Структура политической системы — это политическая организация (государство, политические партии и движения, общественные организации, трудовые коллективы), политическое сознание, социально-политические и правовые нормы, политические отношения и политическая практика» [Демидов, Мелько 1998: 6]. Но тогда возникает закономерный вопрос, а что в таком случае остается для собственно системы? Поэтому хочу особо отметить тот факт, что в своей последней работе Д. Истон, в отличие от многих других специалистов, в конце концов, пришел к признанию роли структуры для политической системы и в близком к классическому ее пониманию [Easton 1990].

Вся беда здесь только в том, что, как и символические границы, структурные связи и отношения не даны нам непосредственно и их выявление возможно только в результате сложной процедуры исследования. В целом, методология структурного анализа была уже описана в работах В.Я. Проппа, а затем К. Леви-Стросса, но остается мало востребованной [Леви-Стросс 1983; Пропп 1928]. На мой взгляд, проблема здесь заключается в том, что анализ структур является наиболее сложной и трудоемкой частью системного исследования. Поэтому многие специалисты отказываются от нее, либо так и не смогли усвоить соответствующую методологию (пресловутое «кажутся взаимосвязанными»). Но без корректного анализа структур невозможно понять те самые *«эмержентные»* свойства систем, которые проявляются только на уровне их целостности. В принципе, процедура определения структуры может быть сведена к выделению из всего множества связей и отношений в системе наиболее устойчивых (постоянных) их вариантов на основе сравнительного анализа как можно большего количества систем (в зависимости от задач исследования — текстов, социальных групп, этнических общностей, политических партий, государств и т. д.).

Тогда становится понятным, что стабильность рассматриваемых нами систем в значительной степени будет зависеть от того, какие устойчивые, т. е. структурные отношения сложатся между их столь различными компонентами, прежде всего, подсистемами и разными уровнями их организации. Важно подчеркнуть, что такие отношения могут иметь различный характер, например, как доминирования-подчинения, так и равноправия-сотрудничества. Как известно, марксизм абсолютизировал антагонистический характер отношений между основными общественными классами. Однако уже к концу XIX в. Западу удалось снизить остроту таких противоречий, а затем в XX в. в значительной степени интегрировать рабочий класс в свои политические системы. В результате произошедших перемен структурного порядка учение о классовой борьбе стало утрачивать свою актуальность. Сегодня же, например, для большинства государств с полиэтничным составом населения все более злободневным становится вызов этнонационализма. Не случайно некоторые специалисты видят в этническом многообразии только источник конфликтов. Примечателен вполне структуралистский рецепт

достижения стабильности при таких условиях, предложенный канадским этнополитологом У. Кимликой: «Наша цель должна заключаться в разрушении связи между нацией и государством, чтобы развенчать идею, согласно которой только независимое государство может быть лучшей формой национального самоуправления» [Kymlicka 2004]. К этому следует только еще добавить и сохранения своей этнической самобытности. Остается только вопрос, а как это можно реально сделать, не располагая корректной, т. е. системной моделью данной общественно-политической системы и при проблемах с пониманием природы этнических явлений?

Не менее показательны прецеденты, связанные с фактическим провалом идеологии модернизации (вестернизации) новых государств, появившихся после распада колониальной системы. Попытки ускоренного внедрения отношений и институтов одних, как правило, более развитых систем в другие — не могли дать ожидаемых результатов в силу серьезных различий в структурах этих систем. Неудачи с последним этапом демократического транзита следует искать здесь же. Именно незримая структура обеспечивает существование не только прозрачных символических и других границ, но и сохранение основных свойств социально-политической системы в процессе ее воспроизводства. Ситуация в «несостоявшихся государствах» наглядно подтверждает тот непреложный факт, что система жизнеспособна только при наличии в ней эффективной структуры. Рост же числа государств, при всей их внешней институционально-функциональной однородности, тем не менее, сопровождается ростом разнообразия находящихся в их основаниях структур. В этой связи хочу еще обратить внимание на значение недооцененной концепции хронополитики М.В. Ильина и В.Л. Цымбурского [Ильин 1997; Цымбурский 2011].

Изменение характера социально-политических систем в процессе их исторического развития заставляет все же признать, что структуры, несмотря на свою инерционную стабильность, также подвергаются преобразованиям. Для понимания механизма системных изменений следует сначала обратить внимание на зафиксированное историками явление *циклическости* в развитии ряда стран. Оно заключается в инверсии преимущественной ориентации на решение проблем внутренней или внешней политики в разные исторические периоды [Шлезингер 1992]. В соответствии с уже рассмотренным положением об операциональной замкнутости, можно констатировать, что после периода «открытости», система должна на некоторое время «закрыться» для того, чтобы привести «инновации» в соответствие со своей структурой. Рассмотрение же процесса политогенеза от возникновения первых городов-государств, номовых и т. д. политий вплоть до образования СССР и Евросоюза наглядно демонстрирует не только возрастание сложности политий, но и тот факт, что появление новых типов государственных образований являлось результатом достаточно значимых структурных изменений. Такие трансформации необходимы для обеспечения соответствия серьезным переменам в самой системе или ее среде. Конечно, этот переход на новый уровень системной организации связан со значительными затратами ресурсов, а также предполагает наличие достаточного времени для соответствующих преобразований структуры. Следует также учитывать, что данный вариант трансформаций возможен только в тех пределах, которые не повлекут за собой полный распад структуры, так как в этом случае самой системе угрожает коллапс. Отсюда пресловутые неудачи значимых попыток проведения реформ «сверху». В силу стремления к самосохранению система будет противиться преобразованиям, несущим угрозу ее базовым структурным основаниям. Необходимая устойчивость системы во время структурных преобразований может и должна обеспечиваться ее *границами*, отделяющими систему от среды (других систем). В случае, когда у нас общественно-политическая система включена в сферу влияния другой более мощной системы извне, последняя может проводить достаточно радикальные преобразования в оказавшейся под ее контролем системе. Необходимая стабилизация ситуации будет обеспечена за счет структурности доминирующей системы. Ускоренная «демократизация» Южной Кореи и Японии во время их прямой оккупации

или активного взаимодействия с США может служить наглядным тому примером. Не менее показательны, какие общественно-политические системы формировались в Восточной Германии и Северной Корее под влиянием СССР.

Возвращение к корректному пониманию системы и роли в ней структуры имеет значение еще и потому, что оно позволяет нам избежать двух пагубных методологических «ловушек». Первую из них — *методологический национализм* зафиксировали европейские социальные теоретики (Г. Мартинс, У. Бек). В нее угодили те авторы (например, М. Вебер, Т. Парсонс), которые придавали своим концепциям, основанным на реалиях конкретных социально-политических систем, неоправданно универсалистский характер [Chernilo 2007]. Переводя этот вывод в соответствующую терминологию, можно сказать, что заимствованию опыта других систем должен предшествовать серьезный анализ их структурного соответствия. Вторая ловушка, известная как *методологический индивидуализм*, заключается в том, что как писал Р. Графштейн, любое исследование в социальной сфере должно ограничиваться уровнем *реальных индивидов* [Grafstein 1992: 24]. Однако существует еще и социологический реализм Э. Дюркгейма с его принципом *методологического коллективизма*. Здесь надо отдать также должное усилиям Н. Лумана, который в своей теории социальной системы попытался снова восстановить в правах этот принцип на основе базовых положений системной парадигмы, в том числе и идеи аутопойесиса. Правда немецкий «философствующий социолог» так масштабно представил свое понимание специфики социальной системы, что из нее совсем выпали реальные индивиды [Луман 2004]. Между тем в логике сложных систем совершенно очевидно, что индивидуальный и разные коллективные уровни дополняют друг друга в социально-политических системах и должны быть учтены при исследовании. Точно также следует признать, что при всей значимости структуры, от свойств которой зависит сохранение и свойства самой системы, она все же не существует сама по себе, а является важнейшей, но все же частью системного образования. В корректно сформулированных системных описаниях становится также очевидной схоластичность некоторых дискуссий, которым привержены зарубежные специалисты по международным отношениям. В течение уже продолжительного времени они выясняют, что является более значимым для их области исследований агенты (здесь читай подсистемы, другие компоненты) или структуры [Whight 2006]. Не менее показательны дискуссии о взаимосвязи внутренней и внешней политики государств.

4. Некоторые выводы. Таким образом, приведенные данные о достижениях системной парадигмы в естественнонаучной сфере подтверждают необходимость их использования для анализа проблем воспроизводства общественно-политических проблем. Только с учетом специфики систем такого рода следует дополнить заимствуемые положения из другой научной сферы оправдавшими свою эвристичность разработками в социально-гуманитарных науках. В первую очередь, речь идет о возвращении к корректному пониманию структуры и ее роли в процессах аутопойесиса. Очевидно, что сложная социально-политическая система будет сохранять свои базовые свойства («идентичность») на этапе своей «открытости» при всех изменениях в окружающей ее среде и в самой системе при условии стабильности структуры. Дело в том, что базовые структурные связи и отношения могут сохранять свою эффективность на протяжении достаточно продолжительного времени. Такое состояние общественно-политических систем те же историки описывают как разные этапы исторического развития. Другие специалисты стали фиксировать их в качестве трендов развития различной продолжительности.

В случае возникновения обстоятельств, указывающих на принципиальное несоответствие реакций системы переменам в ее среде и «инновации» в ней самой, наступает момент, когда необходимы уже структурные преобразования. На этом этапе функционирования наши системы могут оказаться в неустойчивом состоянии, которое будет стимулировать к переходу в «закрытое» состояние за счет более строгой фиксации своих границ с целью минимизации

ции негативных внешних воздействий. При этом еще крайне важно не порушить те связи, которые обеспечат жизнеспособность самой структуры. События, которые принято рассматривать как социально-политические революции, разного рода достаточно значимые реформы, включая нашу Перестройку, «новые курсы» и т. д. — все это про успешные или провальные преобразования структур. Не менее примечательны в данном отношении периоды контрреволюционных и контрреформистских преобразований, сменяющих предшествующие им активные фазы. Стабилизирующаяся структура таким образом недвусмысленно заявляет о себе.

Кроме того, признавая, что у системы и ее структуры есть своя собственная логика и правила функционирования, мы не должны забывать о значении пресловутого «человеческого», а точнее антропологического фактора в функционировании общественно-политических систем. Не последнее место в поддержании стабильности или, наоборот, в доведении системы до кризиса принадлежит собственно политической подсистеме и составляющим ее объединениям, группам, отдельным фигурам и их интересам. Вполне очевидно, что не последнюю роль в процессе аутопойесиса социально-политических систем будут играть, с одной стороны, качество принимаемых политических решений, а также экспертиз и научных исследований («наблюдений») систем. Как важное обстоятельство, определяющее успех или неудачу преобразований структурного характера, следует рассматривать еще и отношение общества к предлагаемым и проводимым политическим акциям и решениям. При этом еще необходимо, чтобы все эти человеческие мотивы и активность соответствовали эмерджентным «требованиям» системы, а в конечном счете ее структуры.

В связи с юбилеем Великой русской революции 1917 г. снова были актуализированы дискуссии о революционном и эволюционном путях развития общества. С позиций концепции системного аутопойесиса и роли в нем структурных механизмов можно констатировать, что революция — это тот крайний случай, когда в системе своевременно не были проведены преобразования, необходимость в которых назрела в связи с изменившимися обстоятельствами внутреннего или внешнего порядка. Положение становится вообще критическим, когда идея перемен овладевает широкими массами, не обладающими ясным пониманием происходящего. Эволюционный же путь развития в этом случае означает своевременное внедрение «инноваций», соответствующих не только традиционным, но и новым вызовам и угрозам, с которыми сталкивается общественно-политическая система. Ответственность за состояние и вектор развития общественно-политических систем лежит, в первую очередь, на политическом классе, который имеет необходимые ресурсы и полномочия для сдерживания или проведения различных реформ. Очевидно, в условиях все более возрастающей сложности современных условий существования общественно-политических систем желательно владеть более реальным представлением (моделью) о таких системах и механизмах их воспроизводства.

Автономова Н.С. 1977. *Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках*. — М.: Наука. — 277 с.

Демидов А.И., Мелько А.В. 1998. *Политология в вопросах и ответах*. — М.: Юрист. — 168 с.

Ильин М.В. 1997. Хронополитическое измерение: за пределами повседневности и истории. — *Полис. Политические исследования*. — № 1. — С. 55–77.

Концепция самоорганизации в исторической перспективе... 1994. *Концепция самоорганизации в исторической перспективе*. — М.: Наука. — 121 с.

Крон В., Кюпперс Г., Паслак Р. 1994. Самоорганизация: генезис научной революции — *Концепция самоорганизации в исторической перспективе*. — М.: Наука. — 239 с.

- Кузнецов А.М. 2006. Теория этноса С.М. Широкогорова. — *Этнографическое обозрение*. — № 3. — С. 57–71.
- Леви-Стросс К. 1983. *Структурная антропология*. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. — 533 с.
- Лиотар Ж.Ф. 1998. *Состояние постмодерна. Пер. с французского Н.А. Шматко*. — М.: Изд-во Института экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя. — 160 с.
- Луман Н. 2004. *Общество как социальная система*. — М.: «Логос». — 232 с.
- Маркс К. 1986. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — К. Маркс, Ф. Энгельс. *Избранные сочинения. Т. 4*. — М.: Издательство политической литературы. — С. 4–126.
- Матурана У., Варела Ф. 2001. *Древо познания*. — М.: Прогресс-Традиция. — 224 с.
- Пропп В.Я. 1928. *Морфология сказки*. — Л.: Академия. — 152 с.
- Системный подход в современной науке... 2004. *Системный подход в современной науке. К 100-летию Людвига фон Бергманна*. — Отв. редакторы И.К. Лисеев, В.Н. Садовский. — М.: Прогресс-Традиция. — 566 с.
- Соловьев А.И. 2000. *Политология: политическая теория, политические технологии*. — М.: АСПЕКТ ПРЕСС. — 559 с.
- Хакен Г. 1991. *Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам*. — М.: Мир. — 317 с.
- Цымбурский В.Л. 2011. *Конъюнктуры Земли и Времени*. — М.: Европа. — 372 с.
- Широкогорев С.М. 1923. *Этнос. исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений*. — Шанхай. — 102 с.
- Шлезингер-мл. А. 1992. *Циклы американской истории*. — М.: Издательская группа «Прогресс»: «Прогресс-Академия». — 643 с.
- Chilkote R. 1981. *Theories of Comparative Politics. The Search of a Paradigm*. — Boulder. — 480 p.
- Chernilo D. 2007. *A Social Theory of Nation State. The Political Forms of Modernity beyond Methodological Nationalism*. — New York: Routledge. — 193 p.
- Easton D. 1990. *The Analysis of Political Structure*. — New York, London: Routledge. — 336 p.
- Grafstein R. 1992. *Institutional realism: the social and political constraints on rational actors*. — New Haven and London: Yale University Press. — 244 p.
- Introduction to Border Studies... 2015. *Introduction to Border Studies* / ed. by S.V. Sevastianov, J.P. Laine, A.A. Kireev. — Vladivostok: Dalnauka. — 299 p.
- Kymlicka W. 2004. *Finding our Way. Rethinking Ethnocultural Relations in Canada*. — Oxford: Oxford University Press. — 220 p.
- LaPalambora J. 1988. Macrotheories and microapplications in comparative politics: a widening chasm. — *Comparative Politics on the Post-Behavioral Era* / ed. L. Canton, A. Zeiglar. — Boulder. — P. 52–78.
- Laszlo A., Krippner S. 1998. Systems Theories: Their Origins, Foundations, and Development. — *System Theories and A Priori Aspects of Perception*. — Amsterdam: Elsevier Science. — P. 47–74.
- Maturana U., Varela F. 1980. Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living. — *Boston Studies in the Philosophy of Science* / ed. R. Cohen and M. Vartofsky. — Vol. 42. — No. 94. — Boston: Reidel Publishing Company. — 48 p.
- Wight C. 2006. *Agents, Structures in International Relations. Politics as Ontology*. — New York: Cambridge University Press. 2006. — 340 p.